

В.И.Мацапура

(Полтава)

Полтавский миф в русской литературе 1820 - 1830-х годов

Приближается знаменательная дата – 300-летие со дня Полтавской битвы 1709 года. Полтавская баталия привлекала внимание многих русских писателей XIX века, а судьбы ее участников очень часто становились объектом литературного мифотворчества. Поэтому, думается, есть основания для выделения понятия «полтавский миф» в русской литературе. Он представляет собой сложное образование и состоит из ряда таких составных, как миф о Петре, о страдальцах Кочубее и Искре, о «злодее» Мазепе и т.д. Полтавский дискурс в русской литературе 1820-1830-х годов насчитывает большое количество текстов. Мотивы, связанные с полтавской баталией нашли отражение во многих произведениях – «Войнаровский» (1823-1824) К. Рылеева, «Кочубей» (1827) Е. Аладьина, «Полтава» (1827) А. Мерзлякова, «Полтава» (1828) А. Пушкина, «Мазепа» (1833-1834) Ф.Булгарина, «Иван Мазепа» (1832) П. Голоты, и многих других.

Все указанные авторы опирались на исторические источники, в которых факты истории по-своему мифологизировались, и каждый из них использовал вымысел, создавая образы исторических лиц. В связи с этим интересно проследить, как интерпретированы события и образы, связанные с полтавской баталией, в русской романтической литературе 1820-30-х годов, какие переключки существуют в освещении известных лиц и событий.

Особой популярностью у западных и русских романтиков пользовался, как известно, образ украинского гетмана. Существует огромная литература о специфике отражения образа Мазепы в литературе, обзор которой заслуживает отдельного рассмотрения. О нем спорили и продолжают спорить. Однако, к сожалению, в основе полемики о Мазепе,

продолжающейся и сегодня, лежат не столько эстетические, сколько идеологические аспекты. Подтверждением этого факта служат, например, споры о поэмах «Войнаровский» Рылеева и «Полтава» Пушкина. Кроме того, современный читатель воспринимает хорошо известные произведения вне контекста предшествующей литературной традиции, а также без учета исторического контекста.

Из всех произведений, связанных с событиями 1709 года, наибольшей известностью, пользуется, безусловно, пушкинская «Полтава». Это вершина «полтавского текста». В связи с этим интересно проследить связь поэмы Пушкина с другими произведениями, посвященными Полтавской баталии. Известно, что поэт хорошо учитывал опыт предшественников, как положительный, так и отрицательный, и прокладывал новые пути в литературе. Например, в его творчестве оставила определенный след поэма А. Мерзлякова «Полтава», опубликованная в 1827 г. в «Вестнике Европы» и прочитанная в Московском университете 27 июня, в день празднования очередной годовщины победы под Полтавой. Она была задумана как ода, и ее текст полностью соответствует этому жанровому определению. «Полтава» здесь не столько конкретный топоним, сколько символ победы русских:

Полтава! – ты славна среди градов на земли,
Ты боле: ты свята для душ, отчизне верных,
Куда российские орлы не потекли? -
Где в подвигах они не зрились беспримерных?.. [7, с. 290].

Насыщенная вопросительными и восклицательными предложениями, поэма представляет гимн славе русского оружия и Петру I:

Ликуйте, храбрые!.. Враг трепещи!.. Полтава!..
<...> Здесь Бог и Петр судьями были,
И жребий Росса утвердили! [7, с.289].

Авторское отношение к событиям подчеркнуто дифирамбично: он певец русского царя и отечества. Текст данной поэмы напоминает о себе, когда читаешь третью песнь пушкинской «Полтавы», близкой ему общим тоном, а также отдельными незначительными ассоциациями и реминисценциями.

У Мерзлякова:

Я дальное громов внимаю рокотанье!
Я вижу: зарево военное горит!..
Какой отрадно - рьяный гул
До персей Россов досягнул?.. [7, с.289].

У Пушкина:

Грохочут пушки. Дым багровый
Кругом восходит к небесам.
[9, с.300].

Примеры подобного рода можно продолжить: «Потомки со гнезда, вскормленного Полтавой!» – у Мерзлякова; «Сии птенцы гнезда Петрова» – у Пушкина.[7, с.291; 9, с.301]. Оба поэта вспоминают о том, что со дня знаменательного события «Прошло сто лет» [7, с.290]; «Сто лет прошло» » [9, с.308] и т.д.

В заключительной части пушкинской поэмы, в частности в описании полтавской битвы, наблюдаем возрождение классицистических традиций. С.А. Кибальник заметил, что когда Пушкин брался за чисто исторические сюжеты, это сразу приводило к актуализации классицистических традиций: «классицистический момент выражается прежде всего в избранной жанровой форме, в данном случае *героико-эпической поэмы*» [3, с.57,61].

Сопоставительный анализ двух текстов свидетельствует о явлении интертекстуальности: поэма Мерзлякова отдельными своими особенностями продолжает «жить» в пушкинском тексте, точнее – в заключительной его части. Однако, несмотря на явную переключку общего пафоса, отдельных мотивов, ситуаций и выражений, описания у Пушкина более конкретны, детализированы, спокойны. Петр у него представлен как «работник» на поле брани: «Раздался звучный глас Петра: «За дело, с Богом!» и т.д.

Поэма Мерзлякова «Полтава» осталась в истории литературы как образец одического стиля, как литературный факт, характеризующий особенности «периферии» литературного процесса 20-х годов XIX века. Однако, думается, о ней не следует забывать хотя бы из тех соображений, что в сравнении с ней лучше осознается значение пушкинской «Полтавы».

Под таким же углом зрения можно рассматривать сегодня и повесть Е. Аладына «Кочубей», опубликованную в «Невском альманахе на 1828 г.». Книжка альманаха вышла в декабре 1827 года. Пушкин знал о ней, здесь

были напечатаны два его стихотворения и сцена из «Бориса Годунова». В апреле 1828 года поэт начал работу над «Полтавой». Не учесть опыт своего предшественника в разработке общих тем и мотивов он не мог, но этот опыт был для него в первую очередь отрицательным. «Кочубей» Аладьина, – справедливо отмечает Н.В. Измайлов, – мог показать читателям, *как не следует* писать «исторических повестей»: «каждая сходная по содержанию сцена в поэме Пушкина – а их сходство определялось общностью сюжета и источников, т.е. материала – говорила об этом» [4, с.121].

Е. Аладьин черпал исторические факты из «Истории Малой России» Д.Н. Бантыша-Каменского. Он прямо ссылается на ее текст в эпизоде, когда Кочубей произносит речь, обращенную к монарху (текст речи цитируется Аладьиным). Но в обработке автора повести исторические и вымышленные события принимали мелодраматическую окраску. Элементы мелодраматизма ощутимы в обрисовке характеров Мазепы, Кочубея, его жены Любви, их дочери Марии (именно так названа в повести героиня, в отличие от исторического – «Матрена»). Например, получив письмо от Мазепы, «Кочубей пришел в негодование: «Нечестивец! – вскричал, наконец, судья грозным голосом; – он требует руки нашей дочери, руки своей дочери!..» [1, с.194]. Когда Кочубею сообщили о том, что его дочь похищена, «... он ворвался в комнаты, сильною ногою разбил замкнутые двери спальни <...>. Мазепа вскричал от ужаса, Мария упала, как пораженная громом, черные очи Кочубея сверкали, как молнии, слова замирали на дрожащих устах... Тщетно злодей силился подняться с роскошного дивана...» [1, с.210]. Мелодраматизм – неотъемлемая особенность изображения характера Марии: «Несчастливая затрепетала, отвратилась от пламенных взоров добродетельного отца и с диким воплем бросилась к Мазепе...» [1, с.215]. Автор создает свой миф о Мазепе и Марии (Мотроне), ставя их в необычные ситуации, поражающие своей исключительностью. Например: «Как хищный коршун бессильного цыпленка, так схватила Мария трепещущего Мазепу, и приставила кинжал к оледеневшей груди его», требуя простить и спасти ее отца [1, с.245].

Характеры героев в повести Аладьина одноплановы. Как правило, они носители какой-то одной заранее заданной функции, резко делятся на положительных и отрицательных. Кочубей на протяжении повести представлен как человек «преданный отчизне и престолу», как «верный сын отечества», а в заключительной части – как страдалец; Мазепа – как «злодей» и «изверг», причем указанные слова повторяются так часто, что начинают восприниматься как неотъемлемая часть образа, его маркировка, символ.

Пушкинское неприятие интерпретации облика украинского гетмана в повести Аладьина выразилось в предисловии к первому изданию поэмы «Полтава»: «Некто в романтической повести изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим перед вооруженной женщиной, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица» [10, с.262]. Поэт написал эти строки, «выпуская в свет «Полтаву» и предвидя возможные упреки журналистов в заимствовании», – замечает Н.В. Измайлов [4, с.121]. В самом деле, несмотря на критическое отношение Пушкина к указанной повести, она все-таки оставила «след» в тексте пушкинской поэмы. Например, негодующая реакция Кочубея, узнавшего, что гетман просит руки его дочери – «Нечестивец!...», а также состояние Марии в этот момент – «... и несчастная Мария упала без чувств!» [1, с.194,196] – ассоциируются с монологом матери и реакцией на него дочери в первой песне пушкинской «Полтавы»:

Бесстыдный! старец нечестивый!	Покрыла бледность гробовая,
Возможно ль?	И, охладев, как неживая,
<...> Мария вздрогнула. Лицо	Упала дева на крыльцо. [9, с.259].

Характеристика Марии, данная вначале повести, «она цветет в глуши беспечного уединения...» вызывает в памяти пушкинские строчки: «Она свежа, как вешний цвет, взлелеянный в тени дубравной» [9, С.256].

Однако, сравнивать Е. Аладьина с Пушкиным, как справедливо замечает Измайлов, «совершенно бесполезно»: уровень исторического повествования, от которого приходилось отталкиваться поэту, был им далеко отброшен.

В «исторической» повести «Кочубей» Аладьина ощутимо также влияние поэмы Байрона «Мазепа» (1819), которая была переведена на русский язык М.Т. Каченовским и опубликована в «Вестнике Европы» в 1821 году. Данный перевод (в прозе) сыграл определенную роль в популяризации украинской темы в русской литературе. Английский бард, опираясь на «Историю Карла XII» Вольтера, поведал миру легенду о том, как Мазепа, служивший пажем при дворе Иоанна Казимира, оказался в украинских степях. Он представил в данном случае образец авторского мифотворчества. Миф, созданный Вольтером и закреплённый в литературе Байроном, «оживает» в повести Аладьина. Здесь адресатом рассказа Мазепы о своем прошлом является иезуит (у Байрона – Карл XII), которому он поведал историю о том, как за любовные прегрешения был привязан к хребту дикого «питомца украинских степей», который понес его «и на сей стороне Днепра пал бездыханный, <...> в хижине малоросса, на мягкой постеле воскрес я от смерти» [1, с.201-202].

Как известно, в целом пушкинское отношение к опыту Байрона в его обрисовке характера украинского гетмана было отрицательным. Поэт высказал замечание по поводу того, что автор знал Мазепу по одному лишь источнику – Вольтеровой «Истории Карла XII»: «Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая <...> Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла <...> он выставил ряд картин одна другой разительнее - вот и все...». При этом Пушкин выражал восхищение «широкой, быстрой кистью» Байрона в его поэме «Мазепа» и считал ее «пламенным созданием»: «Если ж бы ему под перо попала история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, после него никто бы не смел коснуться сего ужасного предмета» [11, с.264].

Участники полтавской баталии, в частности Петр и Мазепа, неоднократно привлекали внимание К. Рылеева и стали объектом художественного исследования в нескольких его произведениях – в думе «Петр Великий в Острогожске» (1822), в плане и набросках неосуществленного замысла поэмы «Мазепа» (1822?), а также в поэме «Войнаровский» (1823-1824).

В плане и набросках неосуществленного замысла трагедии К.Рылеева «Мазепа» гетман представлен однопланово: «Человек властолюбивый и хитрый; великий лицемер, скрывающий свои злые намерения под желанием блага к родине ... ничто не могло отвратить его от измены» [13, с.322,323]. План трагедии состоит из сжатого описания девяти сцен, в которых кратко представлено основное развитие действия, начиная от момента спора Петра с Мазепой во время пиршества в Москве, зарождения тайного замысла мести и заканчивая смертью гетмана в Бендерах. Авторы примечаний к полному собранию сочинений Рылеева справедливо указывают, что эти планы и наброски появились под влиянием чтения Рылеевым «Истории Малой России» Д.Н. Бантыша-Каменского. В первой их части, состоящей из девяти пунктов, зафиксирована в основном историческая канва будущего произведения. Вторая часть свидетельствует о попытке художественного осмысления событий. Здесь автор отходит от исторического источника, прибегая к вымыслу. В частности, большой интерес представляет разработка сцены, в центре которой – Матрена Кочубей: «Матрена Кочубеева в темнице у отца, она пришла освободить его. Тот проклинает ее. Казнь. <...> Сцена ее с Мазепой. Она теряется рассудком. <...> Кочубеева при эшафоте или при могиле отца. Мазепа проходит. Она в помешательстве ума принимает эшафот за алтарь; и просит Мазепу обвенчаться. Смятение Мазепы. Она пляшет вокруг эшафота и поет» [13, с.324]. Примечательно, что перипетии подобного рода возникли в сознании Рылеева задолго до того, как Пушкин написал свою поэму. Нет оснований утверждать, что автор «Полтавы» был знаком с планами и набросками Рылеева. Художественная интуиция подсказала поэтам-современникам один из возможных вариантов, вытекающих из

логики развития действия – сцену сумасшествия дочери Кочубея. Пушкин гениально воплотил замысел, осуществить который не удалось Рылееву. Эпизод, в центре которого – встреча Мазепы, убегаящего после сражения, с потерявшей рассудок Марией поражает психологической верностью. Как и в заметках Рылеева, в пушкинской поэме в сознании сумасшедшей эшафот и «праздник шумный» сливаются воедино:

«Я помню поле... праздник шумный...
И чернь ... и мертвые тела...
На праздник мать меня вела... » [9, с.307].

Речь пушкинской Марии – настоящий бред, а детальная разработка вымышленных событий в «Полтаве» осуществлена так талантливо, что воспринимается, как чистая правда. В развитии сюжетной линии «Матрена (Мария) – Мазепа» и Рылеев, и Пушкин идут по пути мифотворчества.

В плане трагедии обращает на себя внимание упоминание о слепце-бандуристе, который поет песню Мазепы. Имеется ввиду «Дума гетмана Мазепы», с которой Рылеев был знаком и которая была опубликована в приложении к третьему тому «Истории Малой России» Бантыша-Каменского. Среди набросков монологов – «Песня сторонников Мазепы» («С самопалом и булатом...»), пронизанная духом свободы. Составители полного собрания сочинений Рылеева видят в ней переложение «Думы гетмана Мазепы» [13, с.456]. Думается, что ближе к истине В.И. Маслов, который указывал, что она была написана под влиянием стихотворения Мазепы: «Одно настроение – призыв к битве – проникает думу Мазепы и стихи Рылеева» [6, с.305]. Однако, это разные произведения, об их отдаленной связи говорят только отдельные реминисценции и упоминание имени украинского гетмана в конце фрагмента: «Смело, дружно за Мазепой // На мечи и на огонь». Сравним, в песне Мазепы – «*самопалы* набивайте ...», «Нехай вечно буде слава, Же през шаблю маєм права; у Рылеева - «С самопалом и булатом...»,

«Пусть гремящей быстрой *славой* Что мечом в битвах кровавых
Разнесет везде молва, Приобрел козак права» [13, с.326].

Можно предположить, что замысел задуманного Рылеевым произведения был оставлен по той причине, что односторонняя негативная характеристика главного героя в перечне действующих лиц противоречила свободолобивому пафосу его монологов в последующем изложении. Рылееву удалось избежать этой односторонности в «Войнаровском», чему в немалой степени способствовали и особенности художественной структуры поэмы. «Жизнеописание Мазепы», составленное А. Корниловичем, как и «Жизнеописание Войнаровского», принадлежащее А. Бестужеву, являются «текстами в тексте». Включая их в свою поэму, автор, очевидно, стремился подчеркнуть ее исторический характер, а также представить исторические события с разных точек зрения. Примечательно, что «историческая справка» о Мазепе характеризуется спокойным тоном, и в данном плане она выгодно отличается от тона авторских комментариев в «Истории Малой России» Бантыша-Каменского. В ней отсутствуют общепринятые «ярлыки» типа «злодей», «изверг», без которых имя украинского гетмана в то время употреблялось редко, особенно в официозных кругах. Хотя все же следует отметить, что и у одного, и у другого автора, оценки Мазепы неоднозначны, несмотря на цензурные условия. Примечательна, например, первая фраза в «Жизнеописании Мазепы»: «Мазепа принадлежит к числу замечательнейших лиц в российской истории XVIII столетия» [13, с.186]. И вместе с тем автор отмечает хитрый ум и «пронырство» гетмана. Он предлагает три варианта ответа на вопрос: «Что побудило Мазепу к измене?», (ненависть к русским, полученная во время пребывания при польском дворе, любовная связь, любовь к отечеству), но останавливается на четвертом – «низкое, мелочное честолюбие». Как соотносится с этими оценками и характеристиками рылеевский текст? Мазепа, как известно, представлен в восприятии своего «друга и родственника» Войнаровского. Исследователи (В.И. Маслов, И.Я. Заславский и др.) отмечают черты байронизма в обрисовке облика гетмана «... яркая печать байронизма лежит почти на всех украинских

произведениях Рылеева», – пишет И.В. Маслов [6, с.271]. В «Войнаровском» гетман «угрюм» и «скрытен». Исследователь указывает на связь между изображением смертной казни у Байрона, Рылеева и Пушкина. Выделив сцену казни, проследим сходство и различие в интерпретации общего сюжетного мотива разными авторами. В «Паризине» Байрона описание казни характеризуется внутренней напряженностью, хотя повествование кажется внешне спокойным, даже в некоторой степени натуралистичным: «Эшафот перед ним; стража вокруг, и палач с обнаженными руками <...> пробует острие топора. Толпы увеличиваются; народ стекается в мрачном унынии... Роковой топор упадет. Голова катится на землю <...> кровь брызжет из всех жил; глаза и зубы еще движутся ...» [8, с.305].

В поэме Рылеева «Войнаровский» смертельно больной Мазепа жалуется, «Что Кочубея видит с Искрой». Сцена казни предстает как плод его больного воображения, и как выражение мук совести:

Вот, вот они!.. При них палач! -	Вот засучил он рукава,
Он говорил, дрожа от страху: -	Вот взял уже секиру в руки...
Вот их взвели уже на плаху,	Вот покатила голова...
Кругом стенания и плач...	И вот другая!.. Все трепещут! –
Готов уж исполнитель муки;	Смотри, как страшно очи блещут
	[13, с.211].

«Эпизод тонко мотивирован психологическим состоянием персонажа», – пишет И.Я. Заславский [3, с.25]. Не случайно данный эпизод привлек внимание Пушкина: «У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал» [12, с.162], – пишет он в письме П.А. Вяземскому, выделяя в качестве одного из достоинств «Войнаровского» «замашку или размашку в слог».

Пушкин как бы вступает в творческое соревнование с Рылеевым. Описание сцены казни в «Полтаве» кажется более спокойным по сравнению с тем, какое встречаем в поэме «Войнаровский». Но в его основе – жуткое уподобление: место казни – место зрелища.

Средь поля роковой помост.	То в руки белые берет,
----------------------------	------------------------

воздвигнуть трон...» Сомнения подчеркиваются повтором: «не знаю...». Они разрушают одноплановость характеристики гетмана и способствуют усложнению его характера, который в поэме Рылеева только намечен.

В пушкинской «Полтаве» Мазепа – один из центральных образов наряду с Петром – «героем Полтавы», страдальцами Кочубеем и Искрой, женой и дочерью Кочубея. Известно, что Пушкин не скрывал связей своей поэмы с поэмой «Войнаровский», которые прослеживаются как по линии притяжения, так и отталкивания. В предисловии к первому изданию «Полтавы» он замечает, что «некоторые писатели хотели сделать из него (Мазепы - *В.М.*) героя свободы, нового Богдана Хмельницкого», намекая на Рылеева, имя которого, как и других казненных и сосланных декабристов, было под запретом. Рылеевские строки – «Он часто зрел в глухую ночь // Жену страдальца Кочубея // И обольщенную им дочь» – послужили для Пушкина одним из толчков в создании романного сюжета. Пушкин сознавался, что, прочитав поэму Рылеева «изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства» [10, с. 262].

По сравнению со своими предшественниками Пушкину удалось наиболее полно воплотить полтавский миф. Публикация «Полтавы» актуализировала очень важный для дальнейшего развития русской литературы вопрос: как изображать историю в художественном произведении, в частности, в жанре поэмы. Поэт искал такую жанровую разновидность, которая позволила бы соединить исторический факт, исторический фон, драматический конфликт и романский любовный сюжет. В русской литературе того времени не было аналогов подобного рода. В «Полтаве» переплелись лирические, эпические и драматические начала, что в значительной степени усложнило ее художественную структуру. Первая и вторая части поэмы (поэт называет их «песнями») «вписываются» в структуру лиро-эпической поэмы, распространенной в творчестве романтиков, а в третьей – осязаемы традиции героической поэмы с элементами оды, популярной в эпоху классицизма.

Пушкинская «Полтава» «впяяна» в литературный контекст, она несет на себе печать влияний, но в еще большей степени – отталкиваний от опыта предшественников. Поэту удалось создать поистине новаторское произведение, а один из основных объектов его исследования – характер Мазепы – отличается сложностью и противоречивостью. Известно, что Пушкин настаивал на историческом характере образа украинского гетмана («Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь, как и в истории...») и вместе с тем каялся, что изобразил его злым («Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь...») [11, с. 263]. В «Полтаве» мы найдем ориентацию на исторический факт, почерпнутый из «Истории Малой России» Бантыша-Каменского, а также на вымысел. В частности, одна из финальных сцен поэмы – встреча Мазепы с сумасшедшей Марией – яркий образец авторского мифотворчества. Создавая миф о Мазепе, Пушкин в чем-то продолжил существующую традицию. Отрицательная маркировка образа – «злодей» – встречается у него довольно часто, как и у Бантыша-Каменского, Аладьина и других его современников. Это знак времени, дань современной поэту эпохе. Однако, говоря о Мазепе - «злodee» в поэме Пушкина, нужно помнить о приеме «точки зрения», о том, в чьем восприятии дан этот образ в тот или иной момент. Автор освещает образ с разных точек зрения: мнения о нем Кочубея и его жены, представителей молодого поколения, а также отношение к нему Марии (Матрены) резко противоположны. Не все характеристики Мазепы в поэме являются прямыми. Построение поэмы «Полтава» характеризуется полифоничностью. Пушкин строит повествование, на перекрещивании разных точек зрения. Мазепа представлен в негативном плане в оценках, в восприятии Кочубея и его супруги («Бесстыдный! старец нечестивый...», «дерзкий хищник», «злодей», «губитель», «старый коршун»). В скрытых монологах Петра после победного сражения также выражена антипатия по отношению к гетману: «И где ж Мазепа? где злодей? // Куда бежал Иуда в страхе?». Автор противопоставляет в первой части поэмы взгляды представителей молодого поколения, которое «жаждет» перемен, стремится к

независимости («Теперь бы грянуть нам войною // На ненавистную Москву») и осторожную позицию Мазепы, который прячет свои истинные замыслы и выжидает, когда придет его час, несмотря на ропот окружающих. Но вместе с тем о нем говорится как о «вожде Украины». Таким видит его Мария, которая любит его и понимает, что основное его предназначение – власть. «Ты будешь царь земли родной! // К твоим сединам так пристанет // Корона царская!», «ты носишь власти знак», – говорит она [9, с.278]. В пушкинской поэме Мазепа думает и о свободе Украины, а многие его монологи – это речи настоящего патриота. В частности, в монологе «Давно замыслили мы дело...», обращенном к Марии, звучит голос государственного деятеля: «Без милой вольности и славы // Склоняли долго мы главы // Под покровительством Варшавы, // Под самовластием Москвы. // Но независимой державой // Украине быть уже пора: // И знамя вольности кровавой // Я подымаю на Петра» [9, с.277]. Здесь Мазепа предстает как герой высокого плана, равный Петру I. В его поведении и характере много романтических черт. Автор рисует его как романтического героя («Кто испытующим умом // Проникнет бездну роковую // Души коварной...»). В третьей песне поэт демонстрирует метаморфозы, которые происходят с Мазепой после того, как он узнал, что Карл XII «перенес войну в Украину». Под пером Пушкина «страдалец хилый, сей труп живой» превращается в мощного противника Петра. «Теперь он мощный враг Петра. // Теперь он, бодрый, пред полками // Сверкает гордыми очами // И саблей машет – и к Десне // Проворно мчится на коне» [9, с.296]. Если сравнить этот портрет Мазепы с изображением Петра I в сцене Полтавской битвы, можно убедиться в том, как много общего в этих «рисунках». Оба героя бодры, они вдохновляют на битву, оба изображены на коне, который послушен их воле. Автор сосредоточивает внимание на глазах «вождей», которые излучают энергию, например, «Сверкает гордыми очами» – о Мазепе; «Его глаза сияют» – о Петре I. Напрашивается вывод о том, что Пушкин в ответственный момент при

помощи стилистических средств сближает героев, которые в тексте поэмы все же сильно противопоставлены.

Тенденция изображения опального гетмана как сильной противоречивой личности, обуреваемой страстями, намеченная в поэтических произведениях романтиков (Байрона, Гюго, Пушкина и др.), нашла продолжение (впервые в русской литературе!) в жанре исторического романа в творчестве Ф. Булгарина. Предлагая читателю свое видение исторических событий, участником которых был Мазепа, а также свою концепцию образа, уже известного по «полотнам» признанных мастеров, романист не мог не учитывать опыт предшественников в освещении фигуры украинского гетмана. Поэтому в предисловии к роману не случайно упоминаются имена Байрона и Пушкина, которые, как считает автор, воспользовались лучшими эпизодами из жизни Мазепы: его романтической любовью в юности и старости. Автор предисловия подчеркивает, что его интересует в первую очередь политический характер Мазепы, понятый и воспринятый им сквозь призму исторических источников и преданий. Украинский гетман, с его точки зрения, — «один из умнейших и ученейших вельмож своего века», которому недоставало только добродетели, чтобы быть великим. []. В предисловии к роману Булгарин также отметил, что не собирается соперничать с английским и русским поэтами в освещении исторических событий, связанных с именем Мазепы, а ограничиться только тем, как его политический характер выразился в частной жизни. Однако данные декларации не всегда выдерживаются в тексте произведения. Несмотря на то, что автор не собирался писать историю «Малороссии», уйти от рассмотрения политических и исторических вопросов он не смог, а тем более - скрыть свое отношение к изображаемым событиям. Исторические экскурсы и размышления - неотъемлемая часть композиции романа, в котором Булгарин коснулся тайных и явных пружин взаимоотношений между тремя государствами — Россией, Украиной и Польшей. Автор романа стремится к созданию психологического портрета героя. В данном плане он близок к позиции создателя поэмы «Полтава», для

которого существенным был вопрос: «Кто испытующим умом // Проникнет бездну роковую // Души коварной?» [с.]. Представив Мазепу как уникальное явление в истории Украины, отметив, что ни один гетман не управлял «малорусским» войском столь самовластно и блистательно, автор несколько раз возвращается к мысли о том, что у него были приверженцы, но не было друзей, перед которыми он мог раскрыть свою душу. Противопоставляя Петра I и Мазепу, подобно Пушкину и Рылееву, Булгарин дополняет это противопоставление важной деталью: «Петр Великий не знал сердца Мазепы».

Начало сюжетного действия в произведении совпадает с началом шведско-русской кампании. Своеобразной экспозицией в развитии сюжета является момент, когда Мазепа вынужден сказать больным, чтобы оттянуть время и реализовать свой замысел: «отложиться от России, основать независимое государство...». Он признается в этом своему племяннику. Сцена беседы Мазепы с Войнаровским ассоциируется с аналогичным эпизодом в поэме К. Рылеева «Войнаровский», хотя, сопоставляя сходные моменты, следует учитывать жанровую специфику анализируемых произведений. Рылеев создал героическую поэму в декабристском духе, герои которой выражают свои взгляды в пространных монологах. Так, в эпизоде встречи с Войнаровским Мазепа заявляет о «борьбе свободы с самовластьем» (здесь, как и в других местах поэмы угадывается декабристский подтекст). Герой представляется борцом за свободу отчизны: «Ее спасая от оков, я жертвовать готов ей честью». Войнаровский для него – «Украины сын». В романе Булгарина сцена, в которой гетман открывает Войнаровскому свою тайну, представлена более детально и обстоятельно, в соответствии с законами жанра. Мазепа изображен здесь как дальновидный политик, который заботится о благе вверенного ему государства. В сложившейся ситуации его беспокоит то, что в случае победы России в войне со шведами, она станет таким мощным государством, что «Малороссия исчезнет, как песчинка в степи» (данный мотив повторяется в романе, становясь одним из лейтмотивов). Гетман предвидит, что Петр не согласится иметь в своих

владениях «отдельную военную полуреспублику», и не просто предвидит, он уже поделился с русским царем своими сомнениями, за что и получил от него пощечину.

Мотив пощечины и связанный с ним мотив мести в романе Ф. Булгарина ассоциируется с лаконичным эпизодом из пушкинской поэмы «Полтава», с рассказом Мазепы о том, как под Азовом он «слово смелое сказал»: «Царь, вспыхнув, чашу уронил // И за усы мои седые // Меня с угрозой ухватил» [5,299]. Мотивы, намеченные в пушкинской поэме пунктирно, получают в романе Булгарина дальнейшее развитие. Здесь история о том, как царь ударил украинского гетмана, повторяется неоднократно. При этом личные причины (обида) и общественные сливаются воедино. Антитеза Петр – Мазепа дополняется противопоставлением Мазепа – Палей. Гетман сознается своему племяннику Войнаровскому в том, что ему страшен один только Палей. Намереваясь перейти на сторону Карла, Мазепа опасается «хвостовского полковника», который завладел «Заднепровьем Польским и сидит царьком в Белой Церкви». Булгарин не просто противопоставил, но почти уравнил в своем романе Палея и коронного гетмана Украины Мазепу.

Мифологизируя личность гетмана, подобно своим предшественникам в литературе, Булгарин не прошел мимо знаменитого сюжета о том, как молодой Мазепа в наказание за свои любовные похождения был привязан к дикой лошади, которая и принесла его в Украину. Эта романтическая легенда, была слишком красивой и привлекательной, однако под пером романиста история о любви Мазепы к жене польского вельможи получает совершенно иное истолкование. Он ищет правдоподобные мотивировки, в соответствии с которыми будущему гетману удалось избежать страшного наказания: бедный шляхтич предупредил его об опасности, после чего он бежал в Запорожье, записался в казаки и вскоре приобрел доверенность гетмана Дорошенко.

Другой романтический сюжет (о любви Мазепы к Мартрёне Кочубей) также нашел отзвуки в романе Булгарина. Но он находится не периферии сюжетного развития, упоминается как эпизод из жизни гетмана, который,

обольстив из тщеславия на шестьдесят втором году жизни, «простодушную» дочь генерального судьи Василия Кочубея, пытается возбудить к себе страсть княгини Дульской.

Как исторический романист, Булгарин стремится к фактографической точности в освещении событий, связанных со сражением под Полтавой. Этот город представлен как важный стратегический объект, в котором хранятся запасы русского войска. Восхищение мужеством его защитников писатель вкладывает в уста представителей, колеблющейся казацкой старшины: «шесть недель стоим под Полтавой да ждем ...», «у короля сорок тысяч войска, а в Полтаве едва и пять тысяч русских!» и т.д. Но на фоне сомнений и ропота приближенных Мазепа рисуется как человек твердый, непоколебимый. Он говорит о своих заслугах перед отечеством как настоящий романтический герой, в котором есть что-то прометеевское: это он «обогастил казну, защитил слабого от сильного, построил школы, просветил целое поколение <...> обогатил духовенство, построил храмы Божии, украсил их» и т.д. [1, 612].

Глава, посвященная изображению битвы, не случайно открывается эпиграфом из Пушкина: «И грянул бой, Полтавский бой!» Описание этого события занимает немного места в романе и значительно уступает пушкинскому по эмоциональной силе. В данном случае текст булгаринского романа содержит в себе скрытую цитатность. Автор не скрывает своей ориентации на пушкинский текст. Однако ему не удалось передать ни динамики событий, ни торжественности момента в той мере, как удалось это поэту. Отдельные переключки текстов угадываются, например, в момент появления Петра на поле боя. При этом булгаринские описания детализированы, пушкинские – лаконичны и эмоциональны. В романе Булгарина Петр появляется перед войском «в мундире Преображенского полка, с веселым лицом <...> с обнаженной саблей», «войско приветствовало его радостным «Ура!» [1, 620]. Этот эпизод не может не вызвать в памяти знаменитые пушкинские строки «Выходит Петр ...», «И он промчался пред полками // Могуц и радостен, как бой!». Аналогии с пушкинским текстом

напрашиваются также в описании самой битвы: «Земля дрожала от грома пушек; ружейные пули свистели <...>, ядра рыли землю, и вдруг, по слову царскому, раздалось восклицание: «Вперед! Ура!» [1, 621]. Как не вспомнить здесь лаконичные «бегущие» строки поэта: «грохочут пушки», «катятся ядра, свищут пули», «далече грянуло «ура»: Полки увидели Петра» и т.д.

Между описанием Полтавской битвы в поэме Пушкина и в романе Булгарина существует тесная связь. Констатируя данный факт, можно говорить о внутренней диалогичности болгаринского текста, о сознательном использовании писателем реминисценций и аллюзий из поэмы «Полтава». Здесь можно усматривать также элементы игры с читателем. Отсылая реципиента к хорошо известному, запоминающемуся тексту, Булгарин дополняет, корректирует его в произведении другого жанра.

В романе Булгарина Мазепа умирает, выпив яд, полученный из рук Огневика, который является в роли мстителя за содеянные грехи. Дав волю своей фантазии, писатель оправдывает этот сюжетный ход ссылкой на то, что «история не разрешила, какою смертью окончил жизнь Мазепа» [1, 631]. Однако и здесь образ гетмана не однозначен. Автор вкладывает в уста умирающего героя мысли о родине и потомках: «Родина моя!.. Сын мой ... Иду к тебе» [1, 634].

В интерпретации Ф. Булгарина данный образ, как мы уже неоднократно подчеркивали, также характеризуется сложностью. Эпиграфы из произведений Шекспира, которые часто предваряют главы романа, настраивают на многосторонность подходов к оценке образа Мазепы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аладьин Е.* Кочубей. Историческая повесть // Повести Егора Аладьина. Ч.1. –СПб,1833. –С.181-251.
2. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России: В 4 т. – Т. III. – М.,1822.
3. *Булгарин Ф.* Мазепа // Фаддей Булгарин. Сочинения. – М, 1990. – С.367-634.
4. *Заславский И.Я.* Пушкин и Украина. – К.,1982.

5. *Измайлов Н.В.* Пушкин в работе над «Полтавой» // Н.В. Измайлов. Очерки творчества Пушкина. – Л.: Наука, 1976. -С.5-124.
6. *Кибальник С.А.* Историческая тема в поэзии А.С. Пушкина // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII-XX вв. – СПб., 1992. – С.57-78.
7. *Маслов В.И.* Литературная деятельность К.Ф. Рылеева. – К.,1912.
8. *Мерзляков А.* Полтава // Вестник Европы. - 1827. -№12. -С.289-296.
9. Паризина, историческое происшествие из Байрона, перевод М. Бестужева // Соревнователь просвещения. – 1822. -ч. XVII. – С.304-307.
10. *Пушкин А.С.* Полтава // А.С. Пушкин. Собр. соч.: В 8 т. – Т.4. -М.,1968. С.254-314.
- 11 *Пушкин А.С.* Предисловие к первому изданию «Полтавы» 1829 г. // А.С.Пушкин об искусстве. – М., 1990. -С.262.
12. *Пушкин А.С.* Опровержение на критики // А.С. Пушкин об искусстве. – М.,1990. – С.262-264.
13. *Пушкин А.С.* Письма (1815-1830) // А.С. Пушкин. Собр. соч.: В 10 т.-Т.9. – М.,1962.
14. *Рылеев К.Ф.* Полное собрание стихотворений. – Л.: ЛО, 1971.